

оксфордская сага

HEREDITAS FALLAX

ложное наследие



ПЕТТЕР ЛОКХЕЙМ

18+

Петтер Локхейм
Ложное наследие

«Автор»

2026

Локхейм П.

Ложное наследие / П. Локхейм — «Автор», 2026

Первая книга «Оксфордской саги». Три семьи, три мира, которые не должны были пересечься: академическая элита, новые деньги и рабочий класс. Их дети поступают в Оксфорд в один и тот же год — и первый триместр становится не началом учёбы, а столкновением со взрослой жизнью, где у каждого решения есть цена. Среди дремлющих шпилей, философских лекций и старых стен четверо студентов ищут себя и пытаются построить собственное будущее. Но за безупречным фасадом университета спрятаны тайны, закопанные так глубоко, что о них почти забыли. Почти. Лира Лейн — отличница и перфекционистка из небогатой семьи, привыкшая всего добиваться сама. Оливер Саммерс — трудолюбивый, верный и упорный; единственный, кому Лира по-настоящему доверяет. Фредерик Платт — сын самого богатого человека Британии, чью жизнь годами выстраивал отец. Скайлар Гаскойн-Сесил — аристократка по крови: безупречная, блестящая и куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

© Локхейм П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: «AD ASTRA»	5
ЧАСТЬ 1: ЛИРА	6
ЧАСТЬ 2: ЛИРА	10
ЧАСТЬ 3: ЛИРА	12
ЧАСТЬ 4: ЛИРА	16
ЧАСТЬ 5: ЛИРА	20
ЧАСТЬ 6: ЛИРА	22
ЧАСТЬ 7: ЛИРА	25
ГЛ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Петтер Локхейм Ложное наследие

ГЛАВА 1: «AD ASTRA»

*Муза, скажи мне о муже, странствовавшем долго,
видевшем города и обычаи многих людей,
испытанном бурями и страданиями сердца,
чтобы спасти жизнь свою и вернуть спутников домой.*

Гомер, «Одиссея»

ЧАСТЬ 1: ЛИРА

Дождь мелодично барабанил по черепице крыши в расположенной на верхнем этаже Сомервиль-колледжа студенческой комнате. Лира Лейн не привыкла просыпаться под звуки дождя, все это для нее было чем-то новым и непривычным, словно мир вокруг изменился и теперь она оказалась в совершенно иной реальности, так непохожей на ту, где она прожила свои восемнадцать лет. Ее небольшой двухэтажный многоквартирный дом, где жило сразу четыре семьи, находился в Аксбридже на самом перекрестке Орчард Уэй, там, где улица поворачивала направо и уходила на трассу, по которой можно было добраться в ближайший торговый центр на севере – менее чем в километре от места, где она выросла. Мир Лире всегда был маленьким и сжатым, как комок. Школа находилась в пешей доступности: буквально десять минут от родных стен – и ты окажешься в старшей школе Аксбриджа. Библиотека также была недалеко, ей даже не требовалось куда-то ездить, если не считать собственных научных проектов, школьных мероприятий или просто прогулок с мамой по Лондону, куда они иногда выбирались. Сейчас девушка вспоминала эти моменты с особой теплотой. Мама... Она осталась где-то там, в Аксбридже, а теперь перед ней лежала взрослая жизнь – Оксфорд и ее собственный академический путь.

Сегодня начиналась нулевая неделя первого учебного триместра. Погода выдалась пасмурной, но это же Оксфорд! Никакие тучи над головой не могли бы скрасить его особенного очарования. Она помнила, как вчера с вещами тащилась по его улочкам, как впервые прошла мост Магдалены, заглядываясь на башню, потом любовалась шпилями, прошла рядом с Колледжем Всех Душ, затаив дыхание и боясь даже вобрать воздух в легкие, настолько это место казалось ей сказочно-мистическим со своей готической архитектурой. Камера Рэдклиффа впечатлила ее не меньше... Это место очаровывало и в первый день. Точнее, даже в первый вечер она успела сделать десятка два фото на свой телефон, словно какая-то туристка, отчего даже немного стеснялась. За последний год Лира едва ли фотографировала что-то, кроме конспектов или какой-то информации из книг, которые нельзя было брать с собой домой из читального зала библиотеки – чего уж говорить о самой себе, одна лишь мысль об этом претила девушке. Она никогда не была настолько самолюбивой, чтобы держать в телефоне собственные фото.

Сегодня был для нее важный день. Первый день, если уж быть точнее. Ну или не совсем первый день, но все же первый день ее как студентки. Боже, она до сих пор не верила, что ей удалось поступить в Оксфорд, тем более попасть в Сомервиль-колледж, куда ей так хотелось, но и вдобавок к этому получить грант от фонда «New Brilliant Minds», который давал не первый год стипендии на обучение самым одаренным студентам. И если ее признали таковой, то это была высшей степени похвала всем ее достижениям и трудолюбию. Лира уж точно не считала себя каким-то гением. Ей приходилось днями и ночами сидеть за учебой, убивая на это уйму времени, особенно по естественным наукам, которые давались сложнее всего. Порой казалось, что вся ее жизнь состоит только из походов в школу, пропадания в библиотеке, учебников дома, тетрадок, дневников, блокнотов и десятка исписанных ручек и вырванных листов.

Собравшись и одевшись, девушка подошла к небольшому зеркалу. Оно не могло показать ее целиком, так что пришлось отойти немного дальше, чтобы хоть как-то увидеть себя не только наполовину. Сорочка отдавала легкой голубизной или даже лазурью, коричневый легкий свитер сидел на ней идеально, как влитой, будто средневековый доспех-нагрудник, защищающий ее от всякого. Темно-синие штаны выглядели слишком элегантными на ее вкус, но мама, которая сшила ей всю одежду самостоятельно (и даже несколько комплектов), всегда говорила девушке: «Ничто не привлекает молодых парней сильнее, чем аккуратно подчеркнутая задница в правильных брюках». Это заставляло Лиру смеяться, после чего они начи-

нали смеяться вместе, ведь обе знали, что Лира была слишком далека от парней, вечеринок и всего, что могло бы отвлекать ее от обучения. Она не была одиночкой, даже не подумайте: у нее были друзья, пусть и немного; один из них – Оливер Саммерс – даже поступил вместе с ней в Оксфорд, разве что в другой колледж – Магдалены. Так что они уже договорились встретиться сегодня и позавтракать вместе. Лира еще раз бросила взгляд на себя в зеркало, оценивая внешний вид. Ей все нравилось, а отсутствие макияжа только лучше подчеркивало ее простой образ студентки, которая не пытается выглядеть лучше, чем она есть. Последним штрихом она собрала свои распущенные волосы цвета спелой пшеницы в хвост, посчитав это более элегантно прической, потому что более сдержанный пучок ей не нравился, словно тот делал ее на десять лет старше, а потом двинулась прочь из комнаты, подхватывая свой рюкзак.

Ноги быстро несли новоиспеченную студентку по Уолтон-стрит на юг в сторону скопления колледжей. Сомервиль находился немного поодаль от других колледжей Оксфорда – на севере, выходя одной стороной на Вудсток-роуд неподалеку от обсерватории Рэдклиффа, – но общежития располагались в разных местах по соседству, выходя также и на Уолтон-стрит, где в здании Вольфсона и проживала Лира. На секунду она остановилась, когда заметила маленький магазинчик «Последняя книжная лавка Джерико» с его кроваво-алым фасадом. Почему-то ей ужасно захотелось заглянуть внутрь, просто подержать книги в руках, купить себе что-нибудь. В этом было некоторое сакральное значение для самой девушки. Это ведь Оксфорд! И это будет первая ее книга, купленная в этом храме знаний. Наверняка книга ничем не отличалась бы от той, что она купила бы в магазинчике в Аксбридже или в большой книжной лавке Лондона. Но дело было не в книге, а в месте.

Ей стоило невероятных усилий двинуться дальше по Уолтон-стрит, чтобы не задержаться в этом книжном мире слишком надолго, не пропасть в черной дыре, куда ее могло затянуть, и тогда Оливеру пришлось бы ее ждать. Опаздывать Лира никогда не любила, а еще меньше любила заставлять кого-то тратить свое время, так что подобное поведение она всегда осуждала, считая его неприличным. Оливер вечно говорил, что она ведет себя как «снобка», но ей казалось правильным, что уважение должно проявляться прежде всего к необратимым человеческим ресурсам, и время было одним из них, возможно, даже самым ценным.

Огибая лужу на повороте на Бомонт-стрит, Лира продвигалась дальше по улочкам Оксфорда, разглядывая все так, словно впервые видит эти старые здания. Казалось, будто им уже многие и многие века, настолько сильно они вросли своим фундаментом в архитектурный ансамбль Оксфорда. Но ее цель была там, чуть дальше, в конце улицы – Музей Эшмола. Они еще до приезда сюда решили, что сходят в него в нулевую неделю триместра, пока будет время освоиться и на подготовку. Встреча была намечена в заведении прямо с видом на Камеру Рэдклиффа – «Кладовые и Сад». Оливер сказал, что «все студенты завтракают там», однако наверняка это было неправдой: в Оксфорде было множество студентов, и маленькое заведение даже при всем желании не могло бы их вместить. Да и каждый день есть в каких-нибудь, пусть даже студенческих, кафе было недешевым удовольствием, а бюджет Лире был сильно ограничен. Да и не сказать, что ее друг был обладателем фантастического состояния или личного траста, который покрывал бы все его желания, особенно связанные с едой. Что-то, а Оливер всегда любил поесть и был тем еще сладкоежкой, хотя сама Лира не питала пиетета к тем сладким булочкам, что он постоянно жевал в школе. В лучшем случае из выпечки она предпочитала самый обычный круассан или что-то без лишних добавок и кремов, максимум немного шоколада, но только в органичных пропорциях, без фанатизма, когда кондитеры пытаются создать настоящую сахарную бомбу.

– Оливер? – Она с удивлением подняла бровь, когда увидела его за столиком, улетающим что-то похожее на классический завтрак. Выглядел он неприметно, самый обычный студент, каким можно представить его себе: темно-каштановые волосы, слегка взъерошенные, отображающие его легкую растрепанность во внешнем виде и темно-карие глаза, смотрящие на

нее, будто в приглашении присоединиться. На нем была классическая светлая рубашка, поверх которой находилась жилетка, добавляя образу некоторой академичности, но даже не смотря на это ее друг выглядел так, словно проснулся десять минут назад и собирался впопыхах.

– Мммм... – произнес он, прожевывая еду.

– Мы же договорились встретиться в девять? – Голос девушки звучал с наигранной строгостью, а брови сошлись так, словно она собирается взять нерадивого ребенка за шкуру и вывести прочь из-за стола.

– Но кафе открывается в половину девятого, а я решил, что надо занять лучший столик заранее. Да и вообще, я был голодный, сама понимаешь. Проснулся утром от звуков урчащего живота, будто я весь вчерашний день не ел! Это, наверное, стресс, Лир... – Он всегда много говорил, а иногда даже слишком. Она уже давно смирилась с этой его манерой зажевывать стресс, болтать попусту, даже если его не слушают. Наверное, так парню было комфортнее, так что она просто давала ему высказаться.

– Ну, хотя бы у нас лучший столик, – пожав плечами, не нашлась с нормальным ответом Лира. Она никогда не знала, что отвечать на его тирады, так что порой сама себе казалась грубой, но потом утешала себя тем, что Оливер никогда не корил ее за эту холодную сдержанность. Словно в их паре именно ему досталось быть пламенем, а ей – льдом, и получалось неплохо. Хотя «пара» – это, пожалуй, слишком высокопарный термин для их отношений. Они просто очень хорошие друзья и не более того. Вместе учились в школе, вместе подавали документы в Оксфорд, вместе проходили все вступительные испытания, писали сопроводительные письма, ждали заветного ответа из университета, и вот теперь сидели за одним столиком напротив Камеры Рэдклиффа. Тяжело было поверить в такую удачу, что два обычных школьника из Аксбриджа смогли поступить в лучший университет страны. И не просто поступить, а получить стипендии, которые полностью оплачивали их обучение как «молодых талантов». Себя Лира к таким относилась с натяжкой, но вот Оливер... Боже, он был тем парнем, которому все дается так легко, словно он родился со знаниями. Иногда она даже ему немного завидовала, хотя нельзя сказать, что хоть на секунду ее друг меньше работал для поступления сюда. Нет, он также проводил бессонные ночи дома за книгами, вбирал знания, а потом демонстрировал их, пусть и в несколько иной области, чем она.

– Ты только посмотри... – Оливер чуть выпучил глаза, уставившись куда-то. Сперва она подумала, что парень увидел что-то в читальном зале Бодлианской библиотеки, что был перед ними. Но потом заметила, куда скользнули его глаза.

Девушка.

Она целенаправленно походкой от бедра пересекала Рэдклифф-сквер, идя ко входу Колледжа Всех Душ. Но она была так молода, что Лира вполне могла бы сказать, что если она не первокурсница, то максимум учится на втором курсе. Однако Оливер зацепился за нее глазами совсем не поэтому. Эта незнакомая девушка была как будто полной противоположностью Лире. Короткие волосы в каре, едва касающемся плеч, аккуратная юбка почти до колена, гетры с гербами колледжа – издали Лира не могла разобрать, какого именно. Ее одежда была совсем не повседневной – это была настоящая форма, сделанная таким образом, чтобы привлечь к себе внимание стилем. И все-таки даже не это заставило Оливера открыть рот. Лира сразу поняла внутри – она была невероятно красивой. Даже не так... Не столько красивой, сколько какой-то магически притягательной, с правильными чертами лица, высоким подбородком, золотистыми волосами и почти наверняка не просто голубыми глазами, а настоящей парой ограненных сапфиров, в которые хочется вглядываться, как в чистейшие озерные воды. Лира удивилась бы, будь глаза у нее карими или серыми – словно этот цвет никак не сочетался бы с ее совершенным видом.

– А что она забыла в Колледже Всех Душ? – Она задала единственный вопрос, который мог ее заинтересовать в этот момент, причем произвольно. Слова сами сорвались с ее губ –

а она не успела их удержать. Колледж Всех Душ был буквально священным местом для студентов Оксфорда, недостижимой целью для большинства, самым элитарным обществом, куда попадали лишь единицы, удостоившись высокой чести. Там не училось ни одного студента, только отобранные аспиранты с грантами. Большую часть колледжа и вовсе составляли профессора, что добавляло этому месту особенный флер некоего тайного ордена, словно пройдя через его элегантные кованые ворота ты окажешься в тайном хранилище знаний и мудрости. Эта мысль всегда завораживала Лиру, и тем сильнее создавала непонимание от того, что эта девушка там забыла.

– Не знаю... – спокойно пожал плечами Оливер и бросил в рот ломтик бекона, похрустывающий и такой манящий, что у Лиры свело желудок. Надо было пойти и заказать еды. День предстоял быть долгим.

ЧАСТЬ 2: ЛИРА

– Ты это видела?! – Голос Оливера был слишком возбужденным и звучал так громко, что Лира едва одернула себя от мысли прикрыть уши. Он почти прыгал вокруг нее, пританцовывая каким-то странным движением, больше похожим на прихрамывание.

– Ты просто обязана пойти со мной на эту лекцию! – Она еще раз взглянула на флаер, где говорилось, что профессор Джаред Стентон, Уорден Колледжа Всех Душ и Чичелийский профессор моральной и политической мысли, в этом триместре проведет серию лекций для первокурсников в междисциплинарном и престижном курсе «Моральная архитектура власти: от империи до алгоритма». Приглашаются лучшие студенты всех факультетов (насчет всех факультетов было небольшим преувеличением, потому что снизу маленькими буквами были отобраны избранные, которые могли пойти, и по удивительному стечению обстоятельств специализация Оливера – «Химия» и ее собственная – «Древние и современные этические системы» – входили в допустимый перечень).

– Ты что, никогда не слышала имени профессора Стентона? – Если честно, то нет. Она не слышала. Ее интересовали другие имена и другие места, но если Оливер загорался идеей, то его уже нельзя было остановить, так что сопротивление было подавлено в самом зародыше.

– Хорошо, Олли, я пойду с тобой, но возьму его предмет в качестве дополнительного модуля. Не думаю, что «моральная архитектура власти» мне настолько необходима. – Ее улыбка была почти дружелюбной, наполненной сарказмом, но прикрытым, не враждебным, а исключительно дружеским. Такое она могла себе позволить только с ним. Говорить свободно и спокойно. Думать то, что думает. Не пытаться казаться идеалом, которым никогда не была. Но это не значит, что стоило забывать о вежливости. Порой приходилось напоминать себе самой, что ее мысли – это ее мысли, и не каждому нужно давать знать, что у нее в голове.

– Да ладно тебе! Он же Уорден Колледжа Всех Душ! Уорден, Лир! – Это был, пожалуй, самый убедительный довод из всех, что он мог привести. Наверное, это и заставило ее согласиться еще даже до того, как Лира сказала это вслух.

– Я умею читать. – Ее ответ был наполнен язвительной колкостью и снабжен хитрой улыбочкой, подаренной ему будто тычок в бок. Однако Оливер пропустил все это мимо ушей, окрыленный своими мыслями.

– Ты только представь! Мы будем вместе сидеть в Шелдонском театре и слушать имени того профессора, в Оксфорде! – Лира уже сдалась, не имея никаких сил или желания протестовать, а потому просто подцепила булочку и стала ее жевать, чтобы дать себе оправдание, почему она не говорит.

– Биоэтика тебе будет очень кстати, – наконец сказала девушка, когда дожевала, чтобы глотнуть кофе. Он был не такой вкусный, как дома, когда его готовила ее мама. Она умела сделать его каким-то невероятным, добавляя в него специи, иногда самодельный карамельный сироп, который Лира просто обожала, но лишь в маленьких, даже миниатюрных количествах. Это был лучший кофе в ее жизни, какой только доводилось пить. В «Кладовые и сад» кофе тоже был неплохим, но ему не хватало какого-то «тепла» – не физического, а скорее морального. Или просто внутри девушки на третий день пребывания вне дома начала играть ностальгия по знакомым местам. Оксфорд, сколько бы ни был он ей любим и желанен, все равно был другим миром, где они вдвоем с Оливером оказались в одной лодке. За эти пару дней Лира не нашла себе новых друзей, пусть и познакомилась с другими студентами колледжа Сомервиль. Но то ли она сторонилась их, боясь новых знакомств, то ли они избегали ее, видя девушку, что с интересом смотрит на книги и с полным отсутствием оного – на них.

Третий день, как и четвертый, начинались все с той же программы: утренняя встреча в «Кладовые и сад», потом прогулка по делам, экскурсии, общение с тьюторами. Это все ужасно выматывало, хотя и не казалось каким-то безумным. И все же Оливер говорил, что в день они проходят по пятнадцать тысяч шагов минимум, а то и все двадцать. Буквально весь день на ногах, пока силы не закончатся и ты просто не упадешь в свою постель, уткнувшись носом в подушку. Лире приходилось бороться с невыносимым желанием засыпать в одежде. Но силы находились где-то внутри нее, отчего она каждый раз с методичной точностью снимала ее, складывая в аккуратную стопочку и только потом ложилась спать. Некоторые студенты – и Оливер был одним из них – предпочитали творческий хаос. В ее случае везде должен был быть идеальный порядок, потому что только так можно было контролировать пространство вокруг себя, подчинить его и заставить работать тебе на пользу, когда каждая деталь, каждая вещь на своем месте. Лира ощущала себя дирижером в собственном маленьком оркестре под черепичной крышей здания общежития колледжа Сомервиль.

ЧАСТЬ 3: ЛИРА

Лира торопилась, не желая опаздывать. Формально – это и не было бы опозданием как таковым. Однако они договорились встретиться с Оливером за час у Шелдонского театра, чтобы занять лучшие места на лекцию, куда, по заверениям Оливера, должны были прийти чуть ли не половина студентов всего первого курса Оксфорда из большинства колледжей. Оливер уже ждал ее у входа с взъерошенными волосами, словно бежал напрямиком от самого моста Магдалены и до сюда, сопротивляясь октябрьскому ветру.

– Кажется, мы первые. – Его голос звучал восторженно, но выдавал в нем легкую отдышку после бега. Похоже, ее догадки были совершенной правдой. Лира улыбнулась в своих мыслях тому, что отлично знала этого парня, и это мимолетное наблюдение было тому подтверждением.

– Пойдем уже. – Ей удалось чудом не закатить глаза от его перевозбуждения. Тот почти подпрыгнул на месте, а потом понесся к двери, входя внутрь и пропуская в темную просторную аудиторию солнечный свет. За стенами Шелдонского театра было утро, однако само помещение окутывала аккуратная тьма, а единственный свет был направлен на «подиум» – импровизированную сцену, где стоял просторный стол, кафедра и доска.

На удивление они оказались не первыми в этом зале. Первой была та самая девушка, которую Лира видела в первый день. На ней был все тот же наряд, идеально подходящий ее образу, демонстрирующий нарочитую аристократичность и высокую обнаженную шею. Лира на мгновение подумала, что будь она парнем, то непременно влюбилась бы в нее с первого взгляда – настолько от этой девушки невозможно было отвести взгляд. Мисс Лейн дернула головой, отгоняя все эти мысли, будто пытаясь заставить себя проснуться ото сна. Оливер уже нашел им место с лучшим обзором, недалеко от девушки, но на уровень выше – на старинных деревянных помостах, выстроенных по принципу амфитеатра. Оттуда вид и правда был неплохим. Спереди были выставлены ряды дополнительных простых стульев, создавая лишь тонкий центральный проход, где едва могли бы протиснуться два человека, стоя плечом к плечу.

Оливер что-то тихонько говорил, боясь, что акустика Шелдонского театра разнесет его речь по всей аудитории, но Лира не слушала его. Она продолжала смотреть на эту блондинку с золотыми волосами: в темноте они отдавали каким-то воистину металлическим оттенком и даже блестели, словно их намеренно смазали воском или чем-то еще, отражающим свет. Лира понимала, что ее волосы, все так же убранные в хвост, никогда не сравнятся с волосами этой девушки – чтобы она с ними ни сделала. Впрочем, она и не знала, что с ними вообще можно сделать такого...

Студенты вяло набивались в аудиторию. Сперва пришли два каких-то парня. Оба, кстати, были в очках. Потом подтянулся еще один. За ним еще. Еще. И еще. Наконец, через полчаса все места на деревянных скамьях были заняты, а новоприбывшие медленно начинали усаживаться на обычные стулья, стоящие ближе к подиуму и профессорскому столу, но явно уступающие в комфорте. На их с Оливером местах можно было разложиться по полной: достать тетрадь, чтобы делать пометки и записывать, выложить все необходимые вещи, а главное – удобно разместиться и даже вытянуть ноги. Пришедшие после них и к точно назначенному времени были лишены такой привилегии.

Лира наблюдала, как какой-то парень, пришедший сюда с группой других, попытался сесть к блондинке с каре, но она кинула на него такой пронзительный взгляд, полный презрения, что тот даже не успел открыть рот. Еще чуть-чуть – и Лира ничуть бы не удивилась, если бы этого нерадивого Казанову ударила молния, прошедшая прямо через купол зала.

Но примерно за десять минут до начала в аудиторию вошел черноволосый парень, одетый в жилет и темную рубашку с символом колледжа. Баллиол – подумала про себя Лира. Она не знала всех символов колледжей, но этот был особенным, потому что висел прямо на плакате у входа на Брод-стрит: белый лев с задранными лапами на синем фоне на одной стороне и красный щит с белой каймой – на другой. За последнюю неделю она дюжину раз проходила там, если не больше, и каждый раз видела эту надпись и герб, потому что они и засели в памяти.

Волосы парня были взъерошены, но не так, как у Оливера – не в хаотичной прическе от парикмахера ветра. Нет, они будто намеренно были растрепаны так, чтобы придавать его виду некоторую небрежность. Его легкая, почти кошачья походка завораживала, отчего Лира поняла, что нещадно на него пялится, и, похоже, не одна она это заметила. Их взгляды на мгновение сошлись, почти соприкоснулись, сердце екнуло, а по спине пробежали мурашки.

Он двигался в ее сторону. Смотрел на нее.

Этого не может быть.

Он улыбался.

Ей.

Что, черт побери, происходит? Она же в Оксфорде, а не на страницах любовного романа, где тихоня студентка влюбляется в первого попавшегося красавчика из Баллиола, который посмотрел на нее своим «особым» взглядом чемпиона и победителя. А в Баллиоле обычно только такие и учились. Богатые детишки богатых родителей, избалованные и надменные...

На секунду Лира закрыла глаза, пытаясь прогнать это безумное наваждение. Нет. Нет и еще раз нет. Открыла снова. Парень никуда не пропал и был так близко, что это становилось сумасшествием. Он встал на первую ступеньку, а потом толкнулся в изящном месте, усаживаясь перед ними на скамью к той самой блондинке.

«Бедный, она тебя сожрет», – промелькнула мысль в голове Лире, и она еле слышно хихикнула. Но каким же было ее удивление, когда блондинка развернулась и поцеловала его в губы. Это был не полный страсти поцелуй, вовсе нет. Скорее четкое заявление – это мой парень. Аккуратное и быстрое прикосновение губ, так, чтобы не создавать никому неловкости от подобного публичного проявления чувств.

Лира сидела с открытым ртом, словно ее бросили в ледяную ванну.

– Что такое? – Оливер толкнул ее в бок, кидая на девушку странный взгляд, потом пытаясь смотреть куда-то вдаль, куда сейчас был направлен взор Лире, но откровенно не понимал, что происходит.

Боже, какая она дура! Хотелось вlepить себе пощечину за такие идиотские мысли. Парень шел к ней. Ну конечно. Улыбался ей. Ну конечно. А потом поцеловал другую. Вот эта концовка куда больше вписывалась в структуру ее жизни. Парни не часто обращали на нее внимание, если не брать в расчет Оливера, но у него не то чтобы было много друзей, так что Оливер скорее был исключением, а их союз – вынужденным, ведь только они понимали друг друга, имели общие цели и шли в одном направлении. Но эта сцена выбила девушку из колеи, словно внутри нее разгоралось чувство обиды на неизвестного красавчика, который должен был выбрать ее, но выбрал другую. Эта необоснованная ревность была чрезвычайно глупой, но Лира ничего не могла поделать с собой. Ей хотелось встать и уйти из аудитории, закрыть за собой дверь Шелдонского театра и больше не возвращаться. Ее решимость, подточенная близостью Оливера, сейчас подобно весам колыхалась то в сторону «за», то перевешиваясь в сторону «против». Но выбрать ей не дали.

По всей аудитории раздался скребущий противный звук. Как будто что-то металлическое нашло на стекло или фарфор, заставляя всех слушать этот скрежет. Даже скрип микрофона, который они порой слышали в концертном зале своей школы, звучал менее противно, хоть и вызывал какое-то инстинктивное отторжение. Оливер рядом охнул и накрыл рот рукой. Только тогда Лира кинула взгляд вперед, на подиум, где был профессорский стол. За ним сидел

человек лет пятидесяти, одетый в мантию со всеми положенными ему регалиями, выглядящий слишком формально. Они одевались подобным образом на торжественный ужин для первокурсников в своем колледже в начале прошлой недели. Тогда ей впервые удалось одеть мантию, и это завораживало, будто окунало ее по-настоящему в эту новую академическую среду, восторгало. Но сейчас образ профессора был каким-то чрезмерно вычурным.

Тот сидел за столом с белым платком, заправленным поверх мантии, с вилкой и ножом в руках, с бокалом красного или даже рубинового по цвету вина, и резал стейк. Стоило этому скребущему звуку повториться – и все оставшиеся возгласы в аудитории окончательно погасли, создавая какую-то неестественную тишину, в которой профессор Стентон орудовал с хирургической точностью своими серебряными столовыми приборами. Все вокруг молчали. Все наблюдали. Лира тоже наблюдала, не зная, что ей делать. Это было так странно и необычно, что у нее просто не было слов, чтобы попытаться шепнуть их Оливеру, обсудить это действие перед ними.

– Homo homini deus, si suus sit. – Произнес профессор на латыни, а Лира перевела его слова в своей голове: «Человек – бог человеку, если он принадлежит себе». Ей доводилось изучать греческий и латынь, как и выпускникам дорогих частных школ. Само собой, такому не учили в общеобразовательной школе, там попросту не могло быть подобного рода преподавателей. Так что ей приходилось изучать все самой. И не сказать, что она владела этими языками в совершенстве – разве что в очень крохотном и кривоватым видом совершенства, куда вложено слишком много иронии, чтобы можно было применить подобный термин к ее владению этими языками.

– Мораль и власть... – Голос профессора Стентона пронесся по аудитории, где каждый сейчас замороженно смотрел на него. Он поднял бокал, будто салютуя студентам, а потом осушил его, ставя на стол.

– Именно с этого мы и начнем. Наш путь – от Аристотеля до Макиавелли. – Лира нарочито поморщилась, потому что никогда не разделяла взглядов Макиавелли, пусть и была знакома с ними достаточно поверхностно, исключительно чтобы понимать концепт, описанный им в работе «Государь». Но едва ли она была бы способна в полной мере поддержать разговор с глубоким знанием темы и всей философии этого человека.

– Аристотель считал, что власть должна служить благу – eudaimonia. Но Макиавелли отвечал, что власть служит лишь себе. Между ними – две тысячи лет попыток убедить людей, что добродетель выгодна. На удивление ни одна не увенчалась успехом. – Лира поймала себя на мысли, что прошло по меньшей мере двадцать минут, а она сидит и замороженно слушает, ловя каждое слово. Она даже забыла, что держит ручку в пальцах – скорее по инерции, для соблюдения негласного ритуала, ведь за все это время ей не было записано ни слова. Ни один учитель в школе, где они с Оливером учились, не умел читать лекции таким образом, не умел приковывать к себе все внимание, словно он фокусник, и ты хочешь разгадать каждый его трюк на сцене. Но это было что-то другое, что-то необъяснимое: словно сам бесплотный академический дух пронизывал все ее тело и заставлял сердце бешено биться. Только сейчас девушка поймала этот стучащий ритм в собственных висках. Это было невероятно.

– Мораль не исчезает, подобно Луне, когда наступает день и появляется власть. Она становится ее зеркалом. Как кровь – не враг телу, а его питание. Так и власть не убивает мораль – она питается ею. Каждый правитель хочет казаться добродетельным, даже когда топчет добродетель. – Лира уже не могла отличить, где были мысли Аристотеля, где вступал в дело Макиавелли, а где – слова профессора Стентона. Все смешивалось в ее голове, наполнялось смыслом и танцевало в небывалом вальсе философских знаний. Когда Оливер звал ее на этот курс, она и подумать не могла, что это будет настолько завораживающе. Она не видела никого, кроме профессора. Не слышала даже собственного дыхания, лишь слова, разносящиеся поставленным голосом по аудитории. Это была не монотонная речь, а настоящая вершина ораторского искус-

ства с выверенными паузами, расставленными акцентами, словно все полтора часа – вовсе не план с импровизацией. Нет, это будто настоящая научная театральная постановка, где каждое слово прописано в сценарии, и профессор озвучивает его, создавая для них образы, играя тонами, отчего у Лиры кружилась голова.

– Ὁ ἄρχων ἀναγκαῖον ἐστὶν ἄρχειν ἐπ’ ἀνθρώπων, οὐχὶ ἐπ’ ἀγγέλων. – Голова начинала гудеть. С греческим у нее всегда было хуже, чем с латынью, слова давались тяжело на слух.

– Правитель правит не ангелами, а людьми? – Она и сама не знала, кого спрашивала шепотом, но ответ получила.

– Тому, кто правит, приходится править людьми, а не ангелами. Так поэтичнее. – Лиру передернуло, потому что она заметила, как парень, сидящий перед ней и поцеловавший блондинку с каре, сейчас на самом деле смотрел на нее и улыбался. Один его глаз был прищурен, словно оценивал ее, подобно новой брендовой вещице, а потом он отвернулся.

– Si vis servare potestatem, disce simulare virtutem. – Уж в латыни она точно могла не опираться на чужие костыли, прокручивая в мыслях перевод: «Если хочешь сохранить власть – научись притворяться добродетельным». Впрочем, эту фразу тут же вытеснила назойливая и едкая мысль о том, как же раздражает ее этот выскочка из Баллиола. Его ведь никто не спрашивал, почему он развернулся и заговорил с ней. Ну и что, что она произнесла слова вслух – это не приглашение, и уж точно не повод. Оливер толкнул ее в бок. Лира только сейчас поняла, что кривит лицо и фыркает, отчего попыталась вновь принять заинтересованный и безобидный вид.

– Если вы не поняли, что между этими фразами нет двух тысяч лет, то, вероятно, вам не стоит приходить на мою следующую лекцию. А на сегодня это все. – Профессор Стентон сделал отработанный поклон, словно сейчас должны были раздаться аплодисменты, но возникла некоторая пауза. После чего первой захлопала та самая блондинка на ряду ниже перед ними. Потом ее поддержал студент из Баллиола, за ним его друзья, а потом вокруг загремел настоящий ливень из хлопков. Оливер тоже уже стучал в ладоши, но от его рьяных действий казалось, что он ломает руки этими хлопками. Лира хлопала исключительно показательно – без звонких ударов ладоней, без эмоций, просто показывая свое уважение. Профессор Стентон уж точно заслуживал его и не зря получил все свои титулы. Он мог гордиться собой по праву. Подобного человека она еще не встречала в своей жизни.

Стоило ему удалиться из Шелдонского театра, как вокруг повисла тишина. Никто не спешил схватить свой рюкзак и побежать прочь из аудитории. Все молчали. И эта тишина говорила лишь о том, насколько удачным было выступление Урдена Колледжа Всех Душ.

ЧАСТЬ 4: ЛИРА

Следующий день для Леры и Оливера начался с разрушения их традиции завтракать в «Кладовые и сад», потому что все утро шел дождь, и тот факт, что студенты просыпались и шли на учебу, явно не разжалобил природу прекратить этот потоп. Так что их привычный столик на углу с видом на Камеру Рэдклиффа был отмечен как бесперспективный вариант. Пришлось быстро перекусить сэндвичи под аркой Рэдклифф-сквер, пытаясь прижаться к стене старой часовни, чтобы студенты не выбили еду из их рук. Лира носила с собой термос с кофе, который теперь делала себе сама, стараясь заварить его покрепче в турке на маленькой переносной электрической конфорке. Приходилось экономить на еде и начинать брать ее с собой, потому что такими темпами все выданные карманные деньги уйдут в бюджет «Кладовых и сада», а ей останется еще пару недель жить и питаться на что-то. Оливер тоже сообразил, что жизнь на широкую ногу не для них, но не мог отказаться от того, чтобы ухватить булочку с пеканом и глазированным кленовым сиропом, которую сейчас уминал с особым старанием. Лира подумала, что сейчас он выглядит как бурундук, который съезжился и что-то грызет, заталкивая себе еду за обе щеки. Она понимала, что это больше похоже на бурундука из мультфильмов, но ничего не могла поделать с собой. Такие ассоциации ее веселили, заставляя улыбаться за очередным глотком кофе.

– У меня две лекции, а потом я присоединюсь к тебе в библиотеке, – проговорил Оливер с набитым ртом, пытаясь одним махом прожевать половину булочки, которую запихнул в рот целиком, словно это поможет ему быстрее с ней разделаться.

– Хорошо. – Лира лишь спокойно кивнула ему в ответ, убирая термос в портфель. После чего она выдохнула, закрыла глаза, открыла их снова и вошла в стену дождя. Зонта у нее не было, но стоило купить, учитывая, что погода в Оксфорде была капризной. Где-то стучал колокол, ему вторил другой, но в каком-то ином темпе, и казалось, что вдалеке с ними переговаривался третий. Она не могла понять, был ли он на самом деле или просто ей так слышалось, потому что дождь барабанил рядом.

Ей надо было пройти всего сотню шагов до входа в Камеру Рэдклиффа, но и этой сотни хватило, чтобы она промокла. Хорошо, что она предусмотрительно взяла собой небольшое полотенце, чтобы вытереть лицо и руки, иначе ее шансы попасть в читальный зал были бы около нулевых. Ей не столько требовалось брать что-то в самой библиотеке, сколько просто поработать за ноутбуком.

Конечно, это можно было сделать и у себя в комнате – не обязательно было пересекать половину Оксфорда ради подобного. Но когда ты сидишь на лавочке за столом в Камере Рэдклиффа, это совершенно иные ощущения. Она вошла внутрь, провела все ритуалы перед библиотекарем, перед тем как ее допустили дальше. Свободных столов было не так уж и много, но несколько нашлось. Лира уселась за одним, укладывая перед собой тетрадь, ноутбук и книгу Аристотеля, которую она взяла сразу после лекции профессора Стентона.

Почему-то в ее сознании отложилась мысль о том, что Аристотель выступал за знания, выступал за просвещенность, был по-своему идеалистом, насколько позволял исторический период, и также поддерживал власть народа. Вот только томик «Политике» в переводе говорил ей, что демократия – это неправильный строй, и даже монархия является куда более преимущественной. Впрочем, тут Лира непременно поспорит бы с античным мыслителем, ведь монархия находилась буквально в одном шаге от тирании, и попробуй найди между ними точную грань.

На листах тетради начинали появляться мысли. Ноутбук был открыт, но экран успел погаснуть. Лире всегда нравилось писать от руки – так мысль прокручивалась в голове и бук-

вально с мышечной памятью оседала там, давая возможность отпечататься, а не промелькнуть и исчезнуть. Она старалась выводить слова красивыми, писать неторопливо, но получалось так себе. Почерк никогда не был ее сильной стороной, пусть и был лучше, чем у многих, за что ее всегда хвалили в школе, но Лира считала, что над этим ей еще предстоит немало поработать.

– Здесь не занято? – Она не успела ничего ответить, как темноволосый парень шлепнулся на скамейку рядом с ней. На его одежде не было и капли дождя, и либо тот кончился, либо у него был большой зонт, с которым он наверняка гордо расхаживал по улочкам пытающегося не утонуть Оксфорда.

– Вообще-то... – Внутри нее горело раздражение из-за его бесцеремонности, но сказать ей не дали.

– Ты же та девушка с лекции Стентона? Сидела выше на один ряд над нами с Скайлар. – Как он узнал ее? Ей почему-то казалось, что студенты из Баллиола не замечают никого, кроме себе подобных, ну и кроме первых красавиц университета, к коим непременно относилась блондинка. Скайлер. Так ее звали. Чертово имя – даже оно у нее красивое и необычное.

– Да. – Ее голос дрогнул, но Лира и сама не могла понять почему. Вдруг внутри нее неуверенность построила свой замок и плотно в нем обосновалась, так что даже возьми она его в осаду – сдача была бы не скорой.

– Тебе бы греческий подтянуть, а то читать Аристотеля в переводе... Мне лично было бы даже стыдно. – На щеках Лиры выступил яркий румянец смущения. Еще никто не говорил с ней так интеллигентно и грубо одновременно. Чертов суки сын из Баллиола! Хотелось взять «Политику» Аристотеля и показать ему, что такое тирания за этим столом, но Лира боялась, что библиотекари не оценят ее вклад в политическую теорию античных философов и выгонят на улицу под дождь. Так что пришлось просто сидеть перед этим парнем, раздувая свои ноздри от праведного гнева.

– Да, кто... – И ей снова не дали договорить.

– Боже, я просто отвратителен. Забыл представиться... Фредерик Платт IV. – Он протянул руку в формальном приветствии, но ответа от нее не получил. Они почти минуту смотрели друг на друга, словно ждали, кто сдастся первым. Рука висела перед ней, а ее глаза уперлись в него так, словно хотели выжечь пару асимметричных дырок на его идеальном жилете. Наконец пауза прервалась, а рука была убрана. Парень... Фредерик! Лишь пожал плечами и достал ноутбук из своей кожаной сумки. На его пальце блеснул перстень с рубином, отчего Лира только сглотнула. Украшений у нее почти не было. Ей это казалось лишним. Светские мероприятия старательно обходили ее стороной. Или это она сама старательно уворачивалась от всего, что кидало в нее общество в виде социальной активности.

– Кстати, скажу по секрету, так сказать, из первых уст. Стентон... – Нет, ну какой же наглец. Она просто не могла не вмешаться.

– Профессор Стентон! – Лира намеренно поправила Фредерика, потому что называть такого человека без его звания было форменным неуважением и проявлением неуместного панибратства.

– Да, он самый. Задаст сегодня всем желающим посетить его лекцию написать до понедельника эссе на 2000 слов, в котором надо будет изложить позицию относительно морали во власти, используя доводы Аристотеля... – Она снова не дала ему закончить, прерывая его слова.

– И Макиавелли. Я уже получила рассылку от университета. – Парень лишь поднял удивленно бровь, потом пожал плечами и открыл ноутбук, выкладывая на стол книгу. Она не сразу поняла, что это.

У него в руках был старый томик в кожаном переплете, будто издание из прошлых веков, но это не могло быть правдой. Она глянула на обложку – там красовалась надпись «De Principatibus». «Государь» – Макиавелли. Сперва в голове промелькнула мысль, что это может

быть оригинальное издание. Но потом Лира быстро отвергла этот наивный и безумный фонтан изобилия и глупости, потому что оригинал был издан в первой половине шестнадцатого века и точно не мог быть в руках студента, который выкладывает его с такой легкостью из рюкзака на стол в читальном зале Бодлианской библиотеки. Нет, это наверняка была какая-то старая книга, может двадцатый век, подарочное издание или что-то в таком роде. Он же богатенький сыночек из Баллиола, но даже это не могло объяснить, откуда у него эта книга.

Фредерик будто поймал ее немой вопрос, потом отвел глаза вверх, на купол Камеры Рэдклиффа, и дал ответ:

– Подарок на день рождения от друга семьи.

Подарок за тысячу фунтов? Парень говорил об этом как о чем-то само собой разумеющемся, будто это обычная вещь, все равно что ноутбук или тетрадь. Но это была старинная книга (или как минимум сделанная под старину с невероятным качеством).

– Можно посмотреть? – Ее голос снова предательски дрожал. Да и сама она была готова дрожать. Ей никогда не приходилось держать в руках ничего подобного, ничего столь прекрасного и вызывающего неподдельный академический интерес. Это была ее слабость, и она была готова простить ему любое хамство и грубость лишь за возможность прикоснуться к этому фолианту, наполненному знаниями, пусть и неприятными ей. Но это все было неважно. Важно лишь то, что эта книга была великолепной.

– Конечно, бери. – Боже, даже этот жест он сделал с такой небрежностью, что чуть ли не бросил книгу ей в руки. Но Лира побоялась и быстро встала со скамейки, потянувшись через стол, чтобы поймать ее до того, как он бросит, и аккуратно взять. Она не могла позволить такому артефакту пролететь над столом, а потом оказаться в ее кривых руках, которые загибались бы зигзагами в неловкой попытке футбольного вратаря поймать то, что ему передали.

Наконец, заполучив книгу, она провела по ней ладонью. Это и правда была дорогая кожа с теснением на обложке. Имя автора, название на латыни. Это было что-то священное, волшебное. И Лира была готова молиться всем богам, которых только знала, за возможность прикоснуться к такой вещи, а уж тем более держать ее в руках и прочитать. Как хорошо, что латынь ей давалась лучше греческого. Читать Аристотеля в оригинале она бы точно не смогла, или постоянно бы запинаясь и сбиваясь, отчего мысли в голове оставались рваными. Но латынь всегда была для нее священной, академическим языком, который даже в настоящее время считался чем-то особенным и элитарным. Будто, зная его, ты получал доступ к особому таинству, вроде ключей от Александрийской библиотеки.

Она открыла первую страницу, пробегаясь глазами по названию первой главы, точнее не главы, а некоего предисловия... послание Медичи. Но стоило глазам понять обман, как на лице Леры появилось разочарование.

– Но... Но... Она ведь на... – Какой же жалкой она себя сейчас чувствовала. Хотелось провалиться под землю, прямо на этом месте, залечь вместе с фундаментом этого зала и забыться. Казалось, что она вот-вот заплачет, и лишь невероятная сила воли удерживала ее от этого.

– На итальянском? – На губах Фредерика появилась нахальная усмешка.

– Да! Она ведь должна быть на латыни! – Вот тут и правда разочарованию не было предела. Как он собирался ее читать? Это же совершенно другой язык.

– О, так ты не знала, что Макиавелли был новатором своего времени? Он написал книгу не для академической среды Флоренции, а для обычного итальянского народа, политиков и власть имущих, которые не были так хороши в умении «испражняться» на латинском.

– Фу! – Лира не поддерживала такую метафоричность в устных изъяснениях, что тут же выразилось на ее лице.

– И все же он был демократом, желавшим объединить Италию в период раздробленности, а не подчеркивать привилегированность Рима и церкви. – Лира попыталась открыть рот, но,

если честно, на это ей было просто нечего сказать. Так что она тут же его закрыла, делая вид, что зевнула.

– Забирай. Я не знаю итальянского, для меня книга бесполезна.

– *E se uostra Magnificentia dallo apice della sua alteza qualche uolta uolgerà gli occhi in questi luoghi bassi conoscerà quanto indegnamente io sopporti una grande, e continua malignità di Fortuna.* – Девушка уставилась на Фредерика, который читал книгу на чистейшем итальянском, возможно даже с каким-то акцентом или диалектом, которого она совершенно не понимала и не могла оценить. Она лишь раскрыла глаза и удивленно смотрела на него так, словно это Макиавелли сидел перед ней и декламировал строки собственного послания Лоренцо Медичи.

Она и подумать не могла, что студент из Баллиола может так владеть языком. Тем более не самым популярным. И даже не просто владеть – а читать книгу в оригинале.

– Т-т-ы... – Она начала спотыкаться в словах – плохая примета. Лира ущипнула свою руку под столом, чтобы сбросить с себя это ощущение заколдованной принцессы, которую должен поцеловать принц. В ее истории принц способен только «испражняться словами».

– Говорю по-итальянски, да. – Невыносимый и напыщенный тип! Он даже эти слова произносил с таким самомнением, что ему лишь чудом удалось вместить это самомнение под своды Камеры Рэдклиффа. Но с этим было покончено, а ей предстояло поработать над своим эссе для профессора Стентона. К тому же Оливер через несколько часов должен был к ней присоединиться, и будет лучше, если он не застанет ее вместе с этим... Фредериком.

ЧАСТЬ 5: ЛИРА

«Что ты здесь делаешь, мам?» – этот вопрос кружился в ее голове уже некоторое время. За два часа до своего приезда мама написала ей сообщение на телефон, попросив встретиться. Они решили выбрать небольшой коктейльный бар, который открывался в полдень в субботу – «Маяк» и находился в удобном месте: прямо на автомобильной парковке на Вустер-стрит, примерно на равном расстоянии до центра Оксфорда, которым Лира уже по праву считала Бодлианскую библиотеку и Камеру Рэдклиффа, и от железнодорожной станции, куда и приезжала мама. Это был настоящий сюрприз, отчего Лира даже не понимала, что ей чувствовать. В ней тоже смешивался настоящий коктейль. Одновременно она чувствовала приятное тепло. Еще один знакомый человек в Оксфорде – это же замечательно. Они всегда были в хороших отношениях с мамой, можно сказать, что та была в каком-то смысле ее лучшей подругой, потому как других столь близких у Леры и вовсе не было.

Вот только с другой стороны приезд мамы мог означать нечто важное. Неужели у нее что-то случилось, и она не смогла сказать об этом по телефону? От этих мыслей Лира стала переживать, начиная накручивать себя и прокручивать в голове не самые приятные варианты. Однако она решила отбросить их хотя бы временно, чтобы ее не стошнило. Несмотря на обеденный час она еще даже не завтракала, потому что была слишком взволнована встречей, и никакой кусок не лез в горло. А может это просто такой родительский надзор – подумала девушка. А что, если мама просто хочет проверить, как она тут освоилась? Ведь когда-то и мать была всего лишь студенткой, молодой и, наверное, очень красивой леди (она и в свои годы была ужасно красивой, что порой их считали скорее сестрами), Розы Лейн, которая также училась в Оксфорде. Ее путь не был долгим, и именно он побудил Лиру оказаться в этом месте, добиться того, чего не смогла мать, и исполнить не только свою мечту, но и ее.

– Лира! – Колокольчик на двери звякнул, и Розы своей отточенной походкой вошла внутрь, покачивая бедрами в стильной юбке-карандаше, словно роскошная каравелла, плывущая по волнам в сапожках на высоком каблуке, постукивающим о деревянный пол.

– Что ты здесь делаешь, мам? – Девушка вопросительно подняла бровь, ее лицо выражало слишком смешанный набор эмоций, который нельзя было бы с точностью распознать даже человеку, который отлично ее знал.

– Вообще-то я старалась ради тебя, привезла подарок. – Лира удивилась. Подарок? Да, у мамы с собой был большой бумажный пакет, в котором она обычно доставляла какие-то наряды, пошитые в своем домашнем ателье. Но почему-то Лира и подумать не могла, что это для нее. В Оксфорде наверняка были мамины клиенты, ведь большая их часть была богатыми и состоятельными. Она помнила, как мать ездила порой даже в лондонский Сити, к этим чужеродным башням из металла и стекла, совсем не вписывающимся в старомодный облик Лондона. И пусть далеко не весь Лондон был историческим, но многим его кварталам было несколько веков, как и домам на улицах, а этот писк современной моды казался чем-то неуместным, слишком американским...

– Прикрой рот, а то птичка залетит. – Усмехнулась Розы, и девушка поняла, что сидит с открытым от удивления ртом, совсем не контролируя свое тело.

– Но зачем ты мне привезла это? – Она до сих пор недоумевала, что могло быть настолько важным, чтобы ради этого совершить поездку на поезде из Аксбриджа в Оксфорд.

– Даже я знаю, что сегодня у тебя состоится бал первокурсников. – Лира немного помялась, бросая взгляд в сторону. Если честно, она вообще не хотела на него идти. Однако тьютор сказал ей, что мероприятие обязательное и показаться на нем необходимо. Проводить все

время там не нужно, так что она предполагала уйти пораньше и не показываться никому на глаза. Но, кажется, у ее мамы были совсем другие планы на этот бал.

– Ты же знаешь, что я не умею танцевать, мам. – На лице девушки появилась гримаса, с которой она покачивала головой и выдыхала, будто лишь тот факт, что она не умеет танцевать, должен был быть решающим в том, идет она на бал в Сомервиль-колледже или нет.

– Вот и научишься. Может, какой-нибудь порядочный джентльмен протянет тебе руку, а ты не будешь маленькой и наглой девочкой, чтобы ему отказать. Тебе нужно немного повеселиться, Лира. – С весельем у нее и правда были очень натянутые отношения. Скорее они даже предпочитали не замечать друг друга и постоянно смотреть в разные стороны. Хотя если подойти к вопросу философски, то для нее весельем было заниматься, читать книги, участвовать в дебатах, а не напиваться и хаотично двигаться под какие-то странные электронные ритмы с безумной и одновременно глупой улыбкой на лице.

– Это платье, Лира, я сшила его специально для тебя и надеюсь, что ты все же наденешь его. – Она уже знала, что наденет, потому что не могла так поступить с собственной матерью. Та всегда старалась ради нее и делала абсолютно все. Розы в одиночку воспитала ее, дала ей максимум из возможного. Как можно было ее в чем-то винить или не любить? Нет, это была величайшая степень уважения. А потом, проглотив собственную гордость, девушка знала, что бал сегодня будет долгим.

– Хорошо. – Ее слова звучали как капитуляция, с которой она приняла большой бумажный пакет от матери, боясь заглядывать внутрь. Они еще посидели примерно полчаса, поговорили обо всем, как старые подружки, перебивая кости всем бывшим, а потом вышли из этого небольшого бара, готовые попрощаться.

И только тогда Лира заметила профессора Стентона на парковке. Он стоял в метрах пятидесяти от них, облаченный в твидовый пиджак с темно-синим галстуком и белоснежной сорочкой. Лира не понимала, почему он смотрит на нее так пристально, смотрит и буквально прожигает взглядом. Профессор собирался идти в сторону университета, явно оставив тут свою машину, но встал будто вкопанный. Девушка огляделась по сторонам – Розы что-то рассказывала ей, давала напутствия относительно бала, но слушать ее сейчас было невозможно. Внутри что-то сжалось от взгляда профессора. Тот до сих пор пристально смотрел в ее сторону, не отводя глаз. От этого становилось не по себе.

«Что такое, профессор?» – она почти была готова крикнуть ему, почти готова открыть рот, как тот резко развернулся и зашагал к выходу с парковки очень быстрым шагом, словно сбегал оттуда. Портфель в его руках трепыхался из стороны в сторону, будто профессор Стентон внезапно вспомнил, что опаздывает, и почти был готов сорваться на бег, чтобы успеть.

– Ну вот и все. – Ее вывели из оцепенения слова матери. Она не помнила ничего из того, что та сказала за последние несколько минут, а потому только кивнула в знак понимания. Кивнула и двинулась к своему общежитию, махнув на прощание свободной рукой.

Удаляясь от бара, Лира все еще чувствовала запах духов своей матери, а понимание, что теплая атмосфера их посиделок и приятных бесед сменяется леденящим холодом предстоящего вечера в обществе людей, в котором ей совсем не хотелось быть, давило на нее с каждым шагом.

ЧАСТЬ 6: ЛИРА

Вернувшись в общежитие, Лира обнаружила конверт с гербом Баллиола, прикрепленный булавкой к двери ее комнаты. Она одернула булавку, взяла конверт, а потом открыла дверь, чтобы войти внутрь. Булавка была необычной, настоящим миниатюрным произведением искусства. На ее вершине красовался совсем маленький, но вполне различимый герб колледжа с легкой позолотой по бокам. Машинальным движением Лира уже думала выбросить ее в мусорное ведро для бумаг, стоящее рядом с ее небольшим столиком, но потом поняла, что это было бы невероятным кошунством. Эта вещица сама по себе стоила несколько фунтов, и выбрасывать ее было бы неосмотрительным расточительством. Если богачи из колледжа могли позволить себе раскидываться подобными вещами и даже не замечать, то она не имела на то никакого права.

Усевшись на постель и положив рядом пакет с платьем от матери, девушка раскрыла запечатанный сургучом конверт. Внутри было письмо на стилизованной крафтовой бумаге. «Вы приглашены на бал первокурсников во внутреннем дворе Баллиол-колледжа. Дресс-код: черный, золотой и королевский синий. С уважением, фонд “New Brilliant Minds”.» На секунду Лира подумала, что там будет подпись Фредерика, но потом мотнула головой, прогоняя эту мысль как наваждение. С чего ему было бы приглашать ее в Баллиол на бал? Он знал ее каких-то полчаса, если не считать того, что они вместе провели еще полтора часа на лекции профессора Стентона, где он сказал ей целую одну фразу. Нет, этого просто не могло быть.

Пока Лира примеряла платье, она совсем забыла о телефоне. Стоило к нему вернуться, как там уже красовалось с десятков уведомлений о пропущенных сообщениях. Ей даже не нужно было разблокировать его, чтобы понять, кто отправитель. Это наверняка был Оливер. Он по какой-то необъяснимой причине обожал писать много сообщений, а не одно большое. Ему как будто эстетически было неприятно формулировать свою мысль в длинный текст, отчего он отправлял ее кусками, постоянно дробя, и иногда их было сложно читать и воспринимать как одно целое. Но Лейн уже привыкла к этому, так что она лишь быстро взглянула на сообщения, набор эмодзи, а потом ответила: «Да, я тоже получила приглашение от фонда в Баллиол». Они ведь оба были стипендиатами, так что вполне логично, что пригласили не только ее. Однако она корила себя за мысль, что могла быть единственной, словно что-то внутри тронуло ее струны исключительности, сыграло на них короткую мелодию, а потом оказалось, что это не особенное произведение, а лишь «стандартный рингтон».

– Вот мое приглашение. – Четко протараторила девушка, передавая бумагу студенту старшего курса, который явно был среди команды организаторов бала. Тот посмотрел на нее, потом сверился со списком, когда Лира назвала свое имя, и, кивнув, открыл перед ней дверь на манер портье в каком-нибудь дорогом отеле.

– Лира! – Стоило ей только ступить на внутренний двор колледжа Баллиол, как она сразу увидела Оливера, наряженного в неряшливый смокинг, слегка мелковатый ему в плечах. Она помнила, что за лето он вырос и возмужал, стал шире в плечах, отчего теперь старая одежда смотрелась на нем немного нелепо. Но новой у него не было, а матери, которая шила бы ему одежду, как Лире, у него не имелось.

– Ты выглядишь как диснеевская принцесса. – С этими словами Оливер аж хлопнул в ладоши. На ней было то самое платье, которое подарила ей мать – невероятно приятный королевский синий с какими-то блестками, которые сияли как маленькие звезды на ночном небе. Платье и правда было великолепным. Девушка промучилась с прической несколько часов. Она никогда прежде не пыталась делать что-то подобное, потому пришлось звонить матери и по видеозвонку с ее помощью пытаться хоть как-то уложить волосы, закрепляя их тут и там закол-

ками-невидимками. Волосы все равно не выглядели идеально, но это было лучше ее классического хвостика, с которым она расхаживала по Оксфорду.

– Я бы предпочла выглядеть как обычная девушка, но это мама заставила меня надеть это платье. – Отчасти она соврала, но Оливер все равно поверил бы ее словам, потому что знал: Лира по собственной воле никогда бы не оделась подобным образом и не желала бы привлекать к себе столько внимания. А внимания было хоть отбавляй. Казалось, что все вокруг пялились на нее. Готические здания, окружающие внутренний двор, нависали над ней, заставляя внутреннее сжиматься от собственной незначительности. Повсюду происходило какое-то действие – горели гирлянды, переливались огни, играла джазовая музыка, для которой был живой оркестр на небольшой сцене сбоку. Центральную часть двора, где был газон, укрыли настилом, по которому сейчас блуждали студенты, начиная свое паломничество к шоколадному фонтану, а заканчивая его у бара. По другую сторону располагались столы с десертами, фруктами и небольшими закусками на шпажках. Почему-то Лира даже не сомневалась, что Оливер не просто так шел с той стороны, и первым делом, оказавшись в Баллиоле, он само собой попробовал их еду.

– Но вы совсем не обычная девушка, мисс Лейн. – Она вздрогнула от внезапного голоса, раздавшегося из-за спины. Потом кто-то подхватил ее руку, приподнял, склонился над ней в театральном поцелуе, лишь чуть-чуть касаясь ее губами. Лира хотела одернуть руку, но что-то заставило ее замереть, словно вора, попавшего в луч прожектора, выхваченного из беспроглядной тьмы.

Это был Фредерик Платт.

Парень стоял теперь перед ней, наряженный в какой-то невероятный наряд из бархата или другого дорогого материала, она и назвать не могла какой. Розы уж точно оценила бы качество пошива и герб Баллиола, вышитый на груди под сердцем. Этот наряд был настолько же напыщенным, насколько и красивым, отчего внутри Лире бурлил настоящий вулкан. Она хотела сделать комплимент – ведь это было бы вежливо. Но с таким же желанием была готова вlepить ему пощечину за столь бесцеремонное обращение с ней.

– Откуда ты... – Она не помнила, чтобы представлялась ему. Там, в библиотеке, он назвал ей свое имя, а она... Ей стало чуточку стыдно, что она не сказала свое, проигнорировав этот его жест, зацепившись за что-то. Но откуда-то Фредерик знал, кто она такая, и это было ужасно странным. А еще это заставило ее поежиться от мысли: что еще этот едва знакомый парень может знать о ней? Лире никогда не хотелось делиться с кем-то подробностями личной жизни, даже если эти подробности были такими же интересными, как чтение Диккенса в качестве легкого развлечения.

– Это я ему сказала. – Из-за спины Фредерика выступила Скайлар, обходя парня и оказываясь перед Лирой. Боковым зрением девушка заметила, как Оливер на секунду открыл рот, а потом приложил невероятное усилие воли, чтобы закрыть его и не выглядеть идиотом. Но Лира и сама была готова раскрыть рот от удивления и пялиться на эту статую невиданной красоты.

Платье Скайлар было будто бы сшито из маленьких блестящих кусочков серебра, отполированных настолько, что в них играли отсветы разноцветных гирлянд. Она казалась какой-то древней богиней Луны, Дианой. Лира никогда в жизни не видела платья красивее. Это была невероятная работа, и очевидно, что сделано оно было специально под фигуру Скайлар, потому что так плотно облегалo ее бедра, добавляя ей кокетства и какой-то эротической энергии, а также подчеркивало грудь и слегка играло с декольте – не уходя слишком далеко от приличий, но все же чуть-чуть престаупая университетскую грань.

– ВАУ. – Оливер все же не сдержался, а потом протянул руку.

– Я... – Он было начал говорить, но Скайлар взяла его руку аккуратно пальцами, словно касалась его то ли с нежностью, то ли с пренебрежением – невозможно было прочитать по ее лицу.

– Оливер Саммерс. – Проговорила она его имя, а потом жеманно улыбнулась. Так наверняка обязывал ее этикет, но Лире показалось это излишним. Зачем улыбаться неискренне, если тебе этого не хочется?

– Я хотела передать вам приглашения от профессора Стентона. Он отобрал дюжину лучших студентов по результатам эссе. Лучшие приглашаются в Колледж Всех Душ вечером в десять часов. Вот ваши официальные приглашения. – Она достала их из небольшого клатча, что был у нее в руках, а потом передала два конверта с печатью и гербом колледжа.

Лири было хотела спросить, откуда у нее приглашения, а потом вспомнила, как видела Скайлар входящей в Колледж Всех Душ еще в первый день в Оксфорде, когда они стояли у «Кладовых и сада» с Оливером. Неужели она ассистентка профессора? – промелькнуло в голове у Лир. Это почему-то заставило ее почувствовать печаль, словно у нее был шанс занять эту должность, но никто даже не рассказал о такой возможности. Она бы с удовольствием поработала с профессором Стентоном.

Лири потянула руку за приглашением и столкнулась с рукой Оливера, который сделал этот жест так же автоматически. Они оба одернули руки обратно, посмотрели друг на друга, переглянулись с улыбкой, а потом каждый взял по письму. И только сейчас девушка заметила в вырезе декольте Скайлар маленький кулон с уткой. Лири даже наклонилась чуть вперед, чтобы разглядеть его.

– Тише, мисс Лейн, а то еще чуть-чуть – и я подумаю, что ты хочешь облизать грудь моей девушки. – Рука Фредерика, которая внезапно легла ей на плечо, застала ее врасплох. Она даже не сразу поняла, что уже перешла всякие нормы приличия и просто пялится, согнувшись, на эту утку! Боже, какой стыд. Она была готова провалиться под этот настил, лишь бы не смотреть теперь ни на Скайлар, ни на Фредерика.

– Да ладно тебе, ничего страшного. У нее правда красивая грудь, которую хочется облизать. – Отшутился Фредерик, но Лире почему-то не было смешно, а стало еще менее комфортно. Именно такими словами, какие говорил Платт, обычно бросались люди, которые слишком привыкли чувствовать власть над другими и не способны оценить хрупкость чужих границ. Чего уж говорить о приличиях?

– Давай ты не будешь предлагать каждой встречной студентке облизывать мою грудь. – Язвительный тон Скайлар почему-то звучал легко, словно они говорили на каком-то своем понятном только им языке, улыбались, были готовы рассмеяться. А Лире и Оливеру это казалось таким странным и непривычным, что хотелось поскорее отойти куда подальше и выпить бокал шампанского залпом, а лучше сразу два. Лири никогда не любила алкоголь, но, возможно, сейчас понимала, почему иногда люди его пьют.

– Увидимся у профессора Стентона. – Фредерик совершил перед ними показательный поклон, подхватил Скайлар под руку, и они двинулись к другим студентам Баллиола.

Лишь спустя минуту молчаливого стояния на месте Лири смогла выдохнуть.

– Черт бы побрал его шуточки про грудь. – Девушка пробормотала это себе под нос, а потом развернулась так быстро, что чуть не впечаталась в Оливера. Тот отшатнулся назад, попытался подать руку, но, кажется, передумал в тот же миг. Пришлось самой подхватить его под руку самым наглым образом и двинуться размашистым шагом в сторону столов с шампанским, так что Оливеру приходилось семенить, пока он не подстроился.

Фредерик Платт был просто невыносим. И как можно шутить на такие темы? Это же откровенная провокация! Лири продолжала возмущаться в своей голове этому моменту, и даже выпитый бокал не смог отвлечь ее от едких мыслей.

ЧАСТЬ 7: ЛИРА

Колледж Всех Душ стоял перед ними непоколебимой твердыней в мрачной ночи, где лишь фонари выхватывали из мрака красоту готических шпилей, рисуя свои замысловатые узоры тенями на стенах и земле. Он манил своей недоступностью, защищенный массивными коваными воротами с вензелями и листками, с позолотой, неестественно блестящей в ускользающем от них свете. Это был настоящий оплот знаний, неприступная твердыня, куда обычно не ступает нога студента, пока ему не повезет стать достойным, пока он не получит возможности пройти в святая святых. Все равно, что чертог Одина, куда попадали лишь мертвые герои, чтобы пировать с богами. От этого места веяло мистической силой, веяло запахом знаний, который смешивался с ароматом книжной пыли, бумаги и влажной древесины.

Дюжина студентов в платьях и костюмах стояла у его ворот, рядом с которыми все они проходили практически каждый день, так или иначе спеша на лекции, семинары, занятия или просто по пути в Бодлианскую библиотеку. Это место невозможно было не заметить, и невозможно было остаться к нему равнодушным. Каждый раз, проходя около его ворот, Лира то и дело кидала взгляд за них, пытаясь понять, как все выглядит внутри внутреннего двора колледжа, что там происходит за его стенами и каково это – быть одной из тех, у кого есть ключ от этого замка? И тем меньше она понимала Оливера, который не испытывал такого благоговения перед этим местом. Парень стоял рядом с ней и разглядывал небо, в котором пытался что-то найти, вместо того чтобы наслаждаться видами колледжа, куда сегодня их пустят по приглашению профессора Стентона.

Лира также успела заметить, что из всей дюжины студентов гендерное разделение было неровным. Девушек в платьях было всего четверо, тогда как парней – вдвое больше. Среди всех приглашенных также значились Фредерик и Скайлар. Были и братья-близнецы Джек и Робин, девушка из Тринити-колледжа – Сюзанна, чьи рыжие волосы ниспадали на ее плечи подобно языкам пламени и имели какой-то неестественно яркий цвет, а также блеск. С другими Лира не успела познакомиться, потому что все начали тихонько перешептываться, когда увидели, как профессор Стентон приближается по внутреннему двору к воротам колледжа.

Достав ключ, профессор отпер створку, заставляя ее отойти в сторону с каким-то благородным скрипом, таким низким и вдохновляющим, будто старый привратник, встающий с насиженного места, чтобы пропустить новый поток совсем еще молодых душ прикоснуться к чему-то большему, чем они есть сами.

– О, все здесь – превосходно! – профессор Стентон быстро окинул их всех взглядом, пересчитывая, как поняла про себя Лира, а потом жестом пригласил войти внутрь, при этом не заступая за ворота, а наоборот, отходя назад, чтобы дать возможность протиснуться в раскрытые створки. Фредерик вызвался первым, в чем сама девушка даже не сомневалась. За ним прошла Скайлар, потом еще несколько студентов, а когда очередь дошла до Лире, то она сделала свой первый шаг с опаской. Казалось, что этот мираж может просто исчезнуть у нее на глазах. Потому с каждым своим шагом она старалась тверже стоять на земле, касаться ее, плавно переносить вес, чтобы не упасть, ведь голова начинала кружиться. Профессор Стентон стоял молча, но стоило ей только поднять на него свои глаза, как его взгляд молниеносно ушел в сторону, потом переметнулся к остальным студентам за воротами, и голосом вежливо он поторопил девушку продвигаться к остальным вошедшим.

– Ну же, мистер Саммерс... – профессор указал на него, стоило Лире освободить проход. Сюзанна, уже прошедшая вперед, перешептывалась с Фредериком, отчего ее голос едва доносился до ушей девушки, подходящей к ней ближе.

– Он что, правда помнит имена всех? – некоторые профессора не могли выучить имен студентов даже к их выпуску, что было вполне естественным, ведь их задача не знать их по именам, а обучать и передавать знания, фамильярность добавляла баллов, но никак не влияла на процесс.

– Только тех, чьи имена стоит помнить, – с легким холодом в голосе ответил Фредерик, и Лира непроизвольно вобрала полные легкие воздуха, боясь даже лишний раз вздохнуть в этой обстановке.

Оливер практически впрыгнул внутрь, тут же подхватывая Лиру под руку и утаскивая ее чуть вперед из входной арки, где становилось тесно к внутреннему двору. Они взглянули друг на друга, словно хотели передать свое удивление и восхищение, едва уже открыли рты, но оба решили промолчать, не разрывая этого молчаливого очарования новым местом, куда попадают лишь избранные.

– Вольно вам, пройдемте уже внутрь, – улыбаясь проговорил их светоч знаний, намеренно делая интонацию такой, словно не произошло ничего необычного и это какой-то совершенно рядовой случай, происходящий практически каждый день. Казалось, что для Фредерика и Лир, что теперь шли впереди всех, так и было, словно они бывали тут постоянно и не видели в том ничего нового. Другие же студенты, высыпавшиеся во внутренний двор, стояли и внимали тишине зданий и паре шпилей, раскинувшихся перед ними, уносящихся своими башнями в небеса. Они не были такими уж огромными, но в ночи их образы напоминали пару стражей, стоящих на охране каких-то особых знаний. По правую руку от входа находилась часовня Колледжа Всех Душ, а по левую – его знаменитая библиотека с витражами на окнах, которые можно было разглядеть даже отсюда, пусть в темноте они и теряли некоторую привлекательность, но тем интереснее было Лире представлять, как это великолепие выглядит в солнечный день, когда свет может играть в этих стеклах.

Профессор отворил перед ними еще одну дверь, а потом завел внутрь, проходя один из коридоров и приглашая группу в большой зал колледжа. На самом деле «большой зал» было скорее названием, не так точно отражающим суть этого места. Оно было не столько большим, сколько казалось таковым. Перед ними в три ряда были расставлены старые дубовые столы, где лишь на центральном стояли закуски, шампанское и немного фруктов (по большей части экзотических, Лира даже не могла вспомнить название всех и не удивилась бы, если некоторые она вообще видит впервые). По обе стороны были развешены портреты некогда великих деятелей колледжа: Лоуренс Аравийский в своей военной форме; Джордж Керзон – генерал-губернатор Индии; лорд Панник – адвокат, занимающийся публичными делами и правами человека; Альфред Роуз – выдающийся историк по елизаветинской эпохе. Лира могла бы перечислить и других, пусть и не всех, но большую часть выпускников Колледжа Всех Душ и его почетных членов. Однако профессор Стентон уже пригласил всех за стол, а отказываться и продолжать стоять на своем месте было бы невежливым.

– Поздравляю вас. Сегодня вы – те, кто поднялся на вершину первого холма. Но помните: вершина – не место отдыха, а лишь следующая ступень для вашего возможного падения. Ваши работы оказались выше прочих, но высота – это не заслуга, это испытание равновесия, – несмотря на слова, голос профессора Стентона звучал строго, по-отечески, словно он одновременно и восхищался достижениями своих двенадцати детей, но при этом и упрекал их в том, что этого никогда не будет достаточно. Нельзя один раз добиться любви отца, а потом ничего не делать для этого. Впереди их ждал тяжелый труд, в чем сама Лира ничуть не сомневалась.

– Сегодня этот стол – не просто дуб и серебро. Это алтарь, где вы впервые вкусите горечь собственной гениальности. И не все переварят этот вкус. – Лира снова начала ловить себя на мысли, что заслушивается голосом этого человека, проникающим в ее сущность, окутывающим будто покрывало и одновременно пугающим своей красотой и изяществом, силой и мудростью.

– Господин Платт продемонстрировал в своей работе редкое понимание того, что Макиавелли писал не о тирании, а о дисциплине. Его трактовка власти – как искусства выживания разума среди хаоса – заслуживает внимания. Но за интеллектуальной уверенностью слышится оттенок тщеславия; стоит помнить, что даже власть над идеей – форма зависимости. – Лира чуть усмехнулась словам профессора, но тут же подавила свой неуместный смешок. Почему-то ей показалось забавным, что даже похвалы Стентона были такими, словно он не мог сделать их без добавления язвительного комментария.

– А работа господина Саммерса напоминает мне о Сократе – наивно честна и по-детски верит в возможность диалога между совестью и государством. Возможно, именно эта вера и делает ее ценной. Он рассуждает не о власти, а о людях, что редко встречается в этих стенах. Продолжайте – но не позволяйте добродетели ослепить разум. – Почему-то девушка полагала, что он пройдет по всем, однако на этом обсуждение их эссе закончилось, и дальше Стентон взошел на небольшую сцену в конце зала, возвышающую его над ними на какие-то пару десятков сантиметров. И все же ему стало куда комфортнее смотреть на них свысока своего не только положения в качестве Уордена Колледжа Всех Душ, не столь символического сколько физического островка из покрытого лаком дерева, который возвышал его над их головами.

– По завершению первого триместра мы с вами составим финальную группу, которую я буду вести до конца этого учебного года. Это будет закрытая группа для тех, кто хочет добиться самых выдающихся результатов в Оксфорде. Мы будем обсуждать и затрагивать многие темы, полезные вам и на экзаменах в будущем, и по каждой вашей специальности. Это будет один из самых сложных курсов в вашей жизни, но поверьте: одна лишь строчка с его названием в вашем дипломе сделает вас недостижимыми для остальных выпускников Оксфорда. Вы – элита, и это не титул, а приговор.

Сила требует памяти. Власть требует памяти. Не забывайте: история человечества – это борьба морали за власть над властью. Но победитель всегда один – власть. А сейчас мне нужно познакомиться с вами поближе... – и в этот миг в зале стало так тихо, что Лира слышала, как собственное сердце отбивает новый ритм – ритм другой жизни.

ГЛ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.